

Зеркало / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

напісана кітарсу | 24 января, 2025

Зеркало / рассказ ЗЕРКАЛО

Когда я, шелестя и похрустывая, сдернула с зеркала вощеную бумагу и водрузила его в ванной на месте прежнего, треснувшего около месяца назад и лежащего теперь на помойке – я сразу почувствовала разительную перемену. Зеркала, конечно, все немного разные – одни слегка вытягивают отражение, другие сплющивают, одни отражают четко, другие более размыто, одни светлее – другие темнее... Но это зеркало пронзило меня какой-то особой, я бы даже сказала – посмертной, ясностью. Оно как будто собирало и доносило своим отражением каждую мелочь, оно было реальной отражаемой им реальности. Глядя в это зеркало, я вдруг нашла свою потерянную самую удобную на свете заколку для волос, на которую давно уже плюнула. В общем, вопреки примете, мое старое зеркало вышло из строя, не принеся мне особых несчастий, напротив, даже вот обрадовало совершенством зеркала приобретенного ему взамен.

Сегодня я пришла домой почти в полночь. Был ужасный день – на работе завал, совпадения какие-то дурацкие, домой шла, завернула в магазин, не заметила стеклянную дверь и в кровь расшибла нос... Да, это было даже смешно, а в довершении всего мой давнишний, с самых тех, еще университетских, времен, приятель предложил мне выйти за него замуж. Полный бред, мы знакомы почти сорок лет. К чему портить дружбу двум добрым старым хрычам, не понимаю. В общем, не день, а хрен знает что. Слава Богу, он закончился! Жаль только, что при моей затворнической жизни мне даже некому было пересказать все его нелепые дикие перипетии. Да и спать хотелось невыносимо. Умывшись (расквашенный нос заложило и дотрагиваться до него было больно), я отняла руки от лица и почувствовала, что ослепла. На секунду. Это не успело стать мыслью, я быстро поняла, что просто эти идиоты опять отключили электричество. Целую неделю одно и то же! Или это все-таки перегорела

лампочка? Нащупывая в темноте влажной рукой ускользящую железную щеколду и открывая дверь, я подумала о том, что внезапная слепота – это такой лейтмотив моих кошмаров. Помню, мне снилось даже, что я пришла в ванную умываться, вытащила, значит, глаза и, ничтоже сумняшися, сожрала их. Или надкусила просто, не помню, врать не буду. Но факт, что пользоваться по назначению стало ими уже затруднительно. Я пришла в ужас, осознав во сне, как меня подставила внезапно напавшая на меня прозорливость и, не приходя в себя, проснулась. Вспоминая всю эту историю и уже практически раскрыв дверь, я задним числом сообразила, что зеркало немного светится. Я закрыла дверь. Зеркало тихо светилось. Этого света было недостаточно, чтобы что-то освещать, но само оно определенно светилось. Едва заметно, утробно, внутренним светом.

Свет исходил из краев зеркала, как это бывает, когда за плотно закрытой дверью находится освещенная комната и ее свет протекает в щели. Я провела по рамке растерянным пальцем – она была неожиданно теплой и слегка дышала. Кроме того, я почувствовала робкий сквознячок, дующий отсюда туда.

Немного выждав, чтобы привыкнуть к происходящему, я прикоснулась пальцем уже к самой зеркальной поверхности – он моментально был втянут темной теплой водой зеркала, как воронкой, в которую утекает вода из ванной. Без усилия я вернула палец обратно, он был сухой и несколько секунд слегка светился, зараженный свечением зеркала. По всей вероятности, в зеркале не водились бешеные волки. Я просунула в него кисть руки, руку по локоть, затем по плечо. Глупо хмурясь, я пошевелила ей и поразмахивала, чувствуя кожей тепло и движение воздуха, как если бы за зеркалом светило солнце и перебирал свежие листья весенний ветер. Немного поколебавшись, я вернула себе руку – зеркало отпустило ее с легкой неохотой. Приблизив к зеркалу лицо, я стала различать слабые звуки, а в мой страдальческий носовой резонатор чудом просочился смешанный запах каких-то цветов и ягод. Зажмурившись, я всем лицом окунулась в зеркало, пустив по коже расходящиеся круги дрожащей теплоты и упругости. В ту же секунду я задохнулась от свежего воздуха, и яркий свет сделал мои веки полупрозрачными

красными витражами.

Когда я, наконец, решилась открыть глаза, то увидела, что моя голова оказалась в комнате, которая была освещена непрямymi солнечными лучами, рассыпавшимися из распахнутого окна. Окно, то на вдохе испуганно втягивало в рот белую тонкую ткань занавески, то выдувало из нее бульбумовский пузырь. Мебели было немного, и вся она была из того же светлого дерева, что стены, пол и потолок. На столе стояла тенистая ваза с желтыми листьями, веточками вербы и яркой рябиной. Одна из стен была полностью обнесена книжными полками. Самого беглого взгляда было достаточно, чтобы я узнала их все – это были мои книги, те произведения тех авторов, вышедшие в тех изданиях, что я когда-либо читала.

Наверное, моя голова на стене выглядела этаким безрогим охотничьим трофеем. Стараясь держать его как можно устойчивей в этом солнечном мире, в мире потухшей лампочки я с изрядным усилием подтянулась на руках, которые не смущала царящая в ванной тьма, встала ногами в скользкую раковину и всем моллюском вылезла из зеркала. То есть, конечно, залезла, но в итоге все равно – вылезла. Наступив влажными домашними тапочками на прочную тумбочку, которая стояла специально под двероподобным зеркалом, я легко соскочила на пол и осмотрелась. Мне нравилась тотальность восприятия, вдруг открывшаяся во мне. Я стояла посреди комнаты, и все происходящее принадлежало мне, было мной. То ли все предметы обладали здесь какими-то особенно чистыми цветами и линиями, то ли качество моего зрения стало иным от этой перемены мира, но я видела очень четко каждую мелочь, каждая мелочь была важна.

Я обошла комнату по периметру, двигаться было легко, как будто я долгое время ходила с двухкилограммовыми гирями, навешенными к рукам и ногам, а теперь их сняли. Нос, кстати, тоже перестал болеть. Из окна был виден осенний разноцветный лес. Я легла животом на подоконник и свесилась вниз головой – до земли было метра четыре, значит, в доме должен быть еще первый этаж. Выйдя из комнаты, я вприпрыжку спустилась по неширокой заворачивающейся лестнице, намертво задавив в себе внезапное

желание съехать вниз по перилам. Здесь было что-то вроде столовой – в центре стоял стол, окруженный послушными стульями, у стены добродушный посудный шкаф, у стены напротив – оранжевый диван. Плотные шторы, посуда в шкафу, абажур – все было такого же веселого оранжевого цвета. В углу из громадного пупырчатого оранжевого горшка росла пихта. Я подошла к ней и проверила землю – влажная. Открыла буфет и сразу разглядела баночку с мандариновым вареньем. Такое получается, когда длинно и тонко нарезают кожуру, а потом варят недолго вместе с соком, мякотью и сахаром.

Когда я вышла из дома, то оказалась на пляже – под ногами песок, впереди бескрайние морские просторы, солнцепек, соленый гладкий воздух, справа по курсу оазис с яркими тропическими цветами и чудаковатыми деревьями. Бесшумно припадая на оба крыла, мимо меня провздыхала большая желто-фиолетовая бабочка. Я сделала несколько шагов, набрав полные тапки обжигающего песка, остановилась и стала вытряхивать его, зажигательно поднимая ноги и аплодируя себе подошвами по пяткам. Солнце светило яростно, с полуденным максимализмом. Так и обгореть недолго. Все-таки тут, выходит, лето... Хотя это странно, потому что из комнаты мне почудилось, что стоит осень. Я решила выйти к тому лесу, который заприметила из окна, повернула за угол и моментально оказалась в другом времени года. Да, здесь была осень, все, как должно быть осенью – температура воздуха, запах, цвета. Ошеломительный покой падающих листьев. Я завернула за следующий угол, и у меня перехватило дыхание от холода. С этой стороны была зима, вдали виднелась подбеленная кардиограмма гор. Недалеко от меня с когтистой сосновой лапы мягко ухнул припадочно искрящийся снег, в дупло занырнул голубоватый хвост белки. Мороз, однако. Без унт – или как их там? – в тундре, однако, не уютно. Я завернула еще, и на меня обрушилась весна. Оглушительно щебетали птицы, прямо мне в бай хуэй капала вода с крыши и проникновенно стекала за шиворот. По краям парковых дорожек, выложенных седыми плитами разной геометрической формы, через каждые несколько метров стояли удивленные скамейки. Я подошла к ближайшей и вкрадчиво села. Событийно все это должно, конечно же, напоминать мне

сновиденье, но по ощущениям, по их ясности и глубине, по степени моего присутствия каждую секунду и осознанности – это никак не могло быть сном. По крайней мере, моим сном. Обычно мне снятся приглушенные сероватые сны, где я не я или не совсем и не всегда я, в них я не пугаюсь страшного и никогда не смеюсь, двигаться в моих плотных тягучих снах бывает тяжело, как в воде, а выныривая я из них сомнительно отдохнувшей. Особенно последние десять лет. Возможно, это просто началась старость...

Пока я размышляла о природе происходящего, в глубине дорожки показалась человеческая фигура. Сначала я не поняла – приближается она или удаляется, потому что она как-то немотивированно меняла свой размер, а, может, так просто казалось. Но потом она, уже точно увеличиваясь, приближалась. Я уже видела, что это длинноволосый старик, видела его длинную белую бороду, темная морщинистая рука сжимала посох, он был облачен в длинные светлые одежды. Когда он подошел достаточно близко, я поняла, что он невероятно высокого роста, метра три. Я поднялась ему навстречу.

– Здравствуй, Лиза, – произнес он, присаживаясь на скамейку и жестом приглашая меня сделать то же самое.

– Здравствуйте, – ответила я. Вокруг старика ощущалось сильное тепловое поле, как будто он был огнем в камине. Меня зовут не Лиза, но мне не хотелось ему возражать. Тем более, что с этим именем у меня было кое-что связано. В детстве оно мне не то, чтобы нравилось, а я смотрела на себя в зеркало и чувствовала, что оно подходит мне больше, чем что бы то ни было. Я даже обещала родителям, что когда буду получать паспорт, непременно возьму его взамен придуманного ими. Конечно, я ничего такого не сделала. Но однажды был странный случай. Станный по тому впечатлению, которое на меня произвел. Я шла под дождем на урок бальных танцев, было мне лет тринадцать, наверное. И вот, выходя из подземного перехода, я вдруг услышала, что кто-то зовет: «Лиза! Лиза!». Я подняла глаза и увидела старенького дедушку, протягивающего ко мне руки: «Лиза!» – повторил он жалобно. Я растерялась и поспешила пройти мимо, а он все просил меня быть ею вслед так, что я долгое время еще

чувствовала себя виноватой в том, что не была той, кого звали – «Лиза».

Поэтому сейчас возражать мне не захотелось. Тем более что, и тогда, и сейчас где-то в глубине души, в тайне от себя, жила у меня уверенность, что это не ошибка, что обозначились совсем другие люди, много других людей, а эти – узнали.

Некоторое время старик сидел молча, распространяя вокруг себя молчание и теплоту. Сначала я просто слушала его молчание и грелась, потом постепенно его молчание передалось мне, я перестала думать, и мы какое-то время (вне времени) сидели в абсолютной тишине. Птицы молчали, как рыбы, эволюция шла вспять. Мне даже показалось, что у меня остановилось дыхание, но старик заговорил.

– Ты очень давно не приходила. – В его голосе не было осуждения. Но он сожалел – обо мне.

– Прости, – сказала я, совершенно естественно перейдя с ним на «ты». После нашего молчания расстояние между нами сделалось исчезающе маленьким, сократилось до нуля. Практически, я просила прощения у себя.

– Теперь ты можешь приходить сюда часто, – он посмотрел на меня глубоко.

– Я буду, – пообещала я искренне.

– Ты можешь не уходить отсюда, – сказал он тихо.

Я молча кивнула. Я знала об этом. Чувство возвращения домой становилось все отчетливей.

– Я умерла? – Спросила я без тревоги. Я вдруг ясно представила, что в ванной валяется на полу бледная рухлядь моего тела, темнота проникла внутрь него, а лампочка, возможно, горит. И будет гореть еще очень долго.

– Ты не умерла, – улыбнулся старик. – Но теперь ты знаешь, что у тебя есть куда умереть.

– Кто ты? – спросила я зачем-то, запасливо добавив, – что это за место? Почему я сюда попала? И почему я сюда попала только сейчас?

– Неужели тебе здесь плохо? – не ответил старик.

– Хорошо... Это ведь и подозрительно. Понимаешь, я давным-давно, когда была ребенком, засыпая, представляла, что у меня есть в

стене тайная дверь, ведущая в другой мир, в котором есть маленький домик, окруженный с четырех сторон света четырьмя временами года. Потом я забыла об этом, но сейчас вспомнила. Тут все, как я когда-то мечтала.

– Все? – он как будто хотел мне что-то подсказать.

Я задумалась. В общем, это невысказанное счастье – жить в мире, созданном тобой же. Или что-то тут недоиспользовано из моих мечт? Или чего-то я недоиспустила?

– Я здесь поэтому? Потому что, узнай я о каком-то тайном изъяне моего мира после смерти, я не смогу его исправить?

Старик кивнул. Я вдруг заметила, что за время нашего разговора он сделался меньше. То есть он был по-прежнему высоким, но все-таки не таким великанским, как сначала. Осталось в нем, наверное, около двух метров.

– Но я не знаю, что это за упущение. Надо подумать, побыть здесь подольше.

– Тебе лучше побыть тут одной, – сказал старик хитровато. Он поднялся. Длинные одежды волочились по земле. Двух метров в нем, конечно, не было. Хорошо, если он был чуть выше меня. Я смотрела, как он удаляется, волшебным образом не путаясь в белых складках. Что-то изменилось в его походке, я не сразу поняла, но она стала какой-то более подвижной, что ли? Она стала – женской?! В этот момент старик обернулся и посмотрел на меня новым лицом. Старым знакомым, все еще женским, лицом. Тем самым, которое каждый день смотрело на меня из зеркала.

– Да, – подумала я, со всей безысходностью понимая, что оставила сигареты дома в сумке, – это, в самом деле, серьезно. Одиночество, конечно, для меня дело привычное, но обречь себя на него на всю жизнь после смерти – надо десять раз подумать. Мне захотелось вдруг подумать с другой стороны зеркала. Без особых приключений вернувшись в темную ванную, я пошла в спальню (на электронных часах было зеленое без трех минут двенадцать, идиоты электричество не отключали, надо бы в ванной лампочку поменять) сомнамбулически разделась и легла. В шесть часов пропищал будильник.

Стоя в подрагивающем поезде метро, я чувствовала, что изменилась. Ночное перемещение оказалось тем главным пазлом,

благодаря которому мое представление о жизни и смерти начало складываться во что-то осмысленное. Мне стало страшно остаться навечно наедине с собой, погрузиться в себя, сослать себя без права переписки. Это как сойти с ума. Сумасшествие всегда пугало меня сильнее всякого физического уродства и урона. Но что делать с моим врожденным одиночеством, с моей неспособностью нуждаться в людях, любить людей так же, как времена года, оранжевый цвет и мандариновое варенье – я не знала. Я никогда не умела пустить в себя другого человека, зная, что окажусь совершенно беззащитной на своей территории. Пустить в себя, разобрать баррикады, расслабиться «а, пусть делают, что хотят», наблюдать, свидетельствовать?.. Странно, кажется, теперь я могла себе это позволить.

Дикторский голос патетически объявил мою остановку. Кто-то из вошедших уверенно пихнул меня в бок, но я удержалась на ногах, более того, я ближе продвинулась к двери. Несколько человек поменялись между собой местами, я заняла окончательно удобное положение, посмотрела на несущуюся ночь в окне, помаргивающие отражения пассажиров и вдруг заметила старика из зеркала. Он восседал в своих длинных одеждах, держа посох между колен и смотрел на меня в упор. Поймав мой взгляд, он улыбнулся. Я резко обернулась. Старик спал, приоткрыв рот, покачиваясь в такт движению поезда. На нем была черная кожаная куртка, кашне, волосы и борода были достаточно короткими, но все-таки это был он. Я снова посмотрела в зеркало окна, но в это время поезд выехал из тоннеля на свет и воздух. Когда мы вернулись в подземелье, старик в стекле уже не отражался. А на его месте сидел какой-то мужик. Наверное, я слишком вызывающе его разглядывала, потому что он тоже обратил на меня внимание. Господи... да это же Димка! Ну ничего себе! Как ты здесь? Давно?

Об авторе: НАДЯ ДЕЛАЛАНД

Родилась в Ростове-на-Дону. Окончила филфак Южного Федерального университета. Преподавала в ЮФУ, окончила докторантуру Санкт-Петербургского государственного университета. Кандидат

филологических наук. Работает в группе издательств «Эксмо»-«АСТ» и арт-терапевтом в психиатрической клинике «Преображение». Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Нева», «Новая юность», «Литературная учеба», «Вопросы литературы» и др. Стихи переведены на итальянский, испанский, немецкий, эстонский и армянский языки. Живет в Москве. Neкаýalar